

X2121414
M-17

Ф. Ф. Ф.

О П Ы Т Ъ
КРИТИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ
Русской Правды.

Н. А. Максимейко.

Выпускъ первый. Краткая редакція.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
Донецъ-Захаржевская ул., с. д. № 6.
1914.

54 (47)
1-17-OK

Тубокоуваралтому
Владиміру Фавітовичу
Левітскому
на добруо пам'ятъ
отъ автора.

О П Ы Т Ъ

КРИТИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Русской Правды.

Н. А. Максимейко.

Выпускъ первый. Краткая редакція.

Проверено 1977 г.
86

4/88

Проверено 1968 г.

ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТЪ

ФУНДАМЕНТАЛЬНА
БІБЛІОТЕКА

ХАРЬКОВЪ.

Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
Донецъ-Захаржевская ул., с. д. № 6.
1914.

Перевірено
2002
ВРК

W 461
194 M
Bab

Handwritten scribbles

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Глава первая. Краткая редакція Русской Правды, какъ сводъ Новгородско-Кіевскаго права.....	1— 38
I. Мнѣнія ученыхъ о характерѣ и пространствѣ дѣйствія правовыхъ нормъ, изложенныхъ въ краткой редакціи. II. Новгородскія особенности первой Правды. III. Вторая часть краткой редакціи, какъ Правда Кіевской Руси.	
Глава вторая. Краткая Правда, какъ сборникъ, обѣ части котораго составлены одновременно и однимъ и тѣмъ же лицомъ.....	39—101
I. Мнѣнія ученыхъ о времени возникновенія краткой редакціи. II. Взаимная зависимость и единство обѣихъ частей краткой Правды. III. Авторъ краткой Правды и время ея составленія. IV. Пересмотръ основаній, приводимыхъ въ доказательство болѣе ранняго возникновенія 1-й Правды.	
Глава третья. Краткая Правда, какъ памятникъ національнаго самоопредѣленія русскаго общества въ области права.....	102—113
Глава четвертая. Вліяніе римскаго права на краткую редакцію Русской Правды.....	114—206
I. Понятіе о правѣ и система его изложенія. II. Отдѣльные виды убійства, опредѣляемые служебнымъ положеніемъ потерпѣвшаго. III. Убійство въ обиду, въ разбоѣ и на мѣстѣ кражи. IV. Послѣдствія убійства. V. Обиды. VI. Обѣ оскорбленіи свободнаго человѣка холопомъ и о мукѣ смерда безъ разрѣшенія князя. VII. Понятіе кражи. VIII. О соучастіи въ кражѣ. IX. Отвѣтственность за кражу. X. Поврежденіе чужихъ вещей.	
Глава пятая. Списки краткой редакціи Русской Правды..	207—217

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Краткая редакція Русской Правды, какъ сводъ Новгородско - Кіевскаго права.

I.

Мнѣнія ученыхъ о характерѣ и пространствѣ дѣйствія правовыхъ нормъ, изложенныхъ въ краткой редакціи.

Краткая Правда раздѣляется на двѣ части: одна изъ нихъ, отъ 1 до 17-й ст. включительно, обыкновенно обозначается, какъ Правда Ярослава; другая, отъ статьи 18-й до конца, называется Правдой Ярославичей. Въ этихъ различныхъ наименованіяхъ обнаруживается господствующее мнѣніе о разновременномъ происхожденіи обѣихъ половинъ памятника. Мнѣ кажется, что названныя части краткой Правды отдѣляются одна отъ другой не столько временемъ ихъ составленія, сколько областными различіями права, въ нихъ отразившагося. Именно, первая половина ея, повидимому, есть памятникъ Новгородскаго права, тогда какъ вторая—принадлежитъ къ системѣ права, по всей вѣроятности, дѣйствовавшаго въ Кіевской Руси. Обоснованію этой мысли и посвящается настоящая глава.

Высказанное положеніе расходится съ тѣми взглядами, которые распространены въ литературѣ. Чтобы ориентироваться въ ней, представлю краткій и бѣглый обзоръ мнѣній отдѣльныхъ писателей.

По мнѣнію Эверса, начальная Правда, обнимающая первыя 17 статей, была дана Ярославомъ непосредственно Новгороду. Но вскорѣ она получила силу закона и въ остальныхъ русскихъ земляхъ, не имѣвшихъ еще никакого другого письменнаго законодательства. Это послѣдующее признаніе общеобязательной силы Русской Правды не опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что краткіе списки ея сохранились только въ Сѣверной Россіи, и что въ нихъ встрѣчается нѣсколько постановленій, которыя могли имѣть приложеніе въ одномъ Новгородѣ. Фактъ принятія Правды Ярослава всей

Россіей доказывається тѣмъ, что дѣти его дѣлали въ ней измѣненія съ общаго согласія. Если бы эти измѣненія касались только Новгородскаго кодекса, то естественно, что они были бы дѣломъ одного Новгородскаго князя¹⁾.

Тѣ же мысли высказываетъ и Нейманъ. Онъ также полагаетъ, что Правда, данная Ярославомъ Новгороду, имѣла силу и въ Кіевѣ, а также въ другихъ областяхъ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ значеніи обычнаго права. Только такой распространенностью ея можетъ быть объясненъ тотъ фактъ, что сыновья Ярослава, въ своей самостоятельной законодательной дѣятельности, нашли возможнымъ ограничиться лишь дополнительными къ ней постановленіями. Съ другой стороны, эти постановленія Ярославичей тоже имѣли общее значеніе и въ частности примѣнялись въ Новгородѣ, такъ какъ въ Новгородской Правдѣ XIII вѣка (въ пространной редакціи) они включены въ уставъ Ярослава, въ качествѣ его дополненія²⁾.

И. Д. Бѣляевъ говоритъ, что первыя 17 статей краткой Правды заключаютъ въ себѣ ту судно-льготную грамоту, «которую Ярославъ далъ Новгородцамъ въ благодарность за усердную помощь въ войнахъ его съ Святополкомъ, ибо во всей грамотѣ нѣтъ и помину не только о судныхъ пошлинахъ князю, но и о какомъ-либо участіи князя въ судныхъ дѣлахъ—во всей грамотѣ мы видимъ, что судъ по всѣмъ дѣламъ принадлежалъ обществу, міру, а не князю. Конечно, это была привилегія только Новгородцевъ, а не общій порядокъ суда на Руси, ибо по лѣтописямъ мы знаемъ, что князья были призваны судить и рядить, и это право всегда за ними оставалось». Правда, первоначально пожалованная Новгородцамъ, уже при Ярославѣ или вскорѣ послѣ его смерти была принята въ Кіевѣ и другихъ владѣніяхъ Руси. Но на другія области она перешла не въ томъ видѣ, въ какомъ была дана Новгородцамъ. Для Новгорода она служила льготной грамотой, освобождавшей отъ судебныхъ пошлинъ. Эта привилегія не распространялась на прочія земли. Новгородская Правда, рецепированная ими, не освобождала ихъ отъ уплаты княжескихъ пошлинъ. Послѣднія взимались здѣсь по-

¹⁾ *Эверсъ*, Древнѣйшее русское право. 1835 г., стр. 299—300.

²⁾ *Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, mitgetheilt von Ewers*. Dorpat. 1830, стр. 53—55.

прежнему. Дѣйствительно, въ дополненіяхъ къ ней, изданныхъ при Ярославичахъ, прямо было сказано, что уставъ Ярослава о вирныхъ пошлинахъ сохраняетъ свою силу.—Грамота Ярослава перестала вскорѣ удовлетворять новымъ потребностямъ развивающагося общества. Уже въ княженіе его сыновей была признана необходимость пополнить ее. Съ этой цѣлью въ 1072 году они собрались съ избранными мужами въ Кіевѣ и составили новую Правду, которая, какъ показываетъ ея заглавіе, предназначалась для всей Русской земли ¹⁾).

Н. П. Загоскинъ признаетъ первую часть краткой Правды актомъ законодательной дѣятельности Ярослава Владиміровича. Несомнѣнно, она имѣла въ виду Новгородъ, на что указываютъ свидѣтельство лѣтописи о пожалованіи ея Новгородцамъ, нѣкоторые этнологическіе термины, встрѣчающіеся въ ея текстѣ (русинъ, словенинъ, варягъ, колбягъ), и примыкающій къ ней «урокъ мостниковъ», новгородское происхожденіе котораго стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но, предназначенная первоначально для Новгорода, Правда Ярослава получила потомъ распространеніе по всей Русской землѣ, конечно, видоизмѣняясь и дополняясь, соотвѣтственно условіямъ мѣста и времени. Объ этомъ свидѣтельствуетъ распространенная редакція ея, въ которой мы находимъ извѣстіе, что сыновья Ярослава,—Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, отмѣнивши мечь, все остальное удержали въ томъ видѣ, «яко же судилъ» отецъ ихъ. Значитъ, если принять во вниманіе, что Изяславъ княжилъ въ Кіевѣ, Святославъ въ Черниговѣ, а Всеволодъ въ Переяславлѣ, то необходимо прійти къ заключенію, что во второй половинѣ XI вѣка во всѣхъ этихъ земляхъ, съ придачею къ нимъ и новгородскаго сѣвера, дѣйствовала Русская Правда, уже въ редакціи Ярославичей принявшая наименованіе «Правды уставленной Руськой земли» ²⁾).

Н. Дювернуа считаетъ Русскую Правду юридическимъ сборникомъ частнаго лица. Разсказъ лѣтописца о дарованіи ея Новгородцамъ онъ признаетъ вѣрнымъ только въ томъ смыслѣ, что I-я часть

¹⁾ *И. Д. Бѣляевъ*, Лекціи по исторіи русскаго законодательства, стр. 224—225, 234, 236.

²⁾ *Н. П. Загоскинъ*, Курсъ исторіи русскаго права, т. I (Ученыя Записки Казанскаго Университета, 1906 г., кн. 7 и 8, стр. 314—315).

ея возникла въ Новгородѣ при Ярославѣ. Въ доказательство своего мнѣнія, онъ ссылается на то обстоятельство, что Правда Ярослава оказалась неудовлетворительной и потребовала дополнительнаго устава уже при сыновьяхъ его, какъ извѣстно, княжившихъ въ южной Руси. Необходимость дополненій, обнаружившаяся такъ скоро послѣ ея составленія, показываетъ, что она возникла не на югѣ, ибо въ то время не могли такъ быстро совершаться перемѣны въ юридической жизни одной и той же мѣстности. Другое указаніе на новгородское происхожденіе Ярославовой Правды даетъ противопоставленіе словенина русину, которое мы видимъ въ ея текстѣ. Наконецъ, вполнѣ естественно, что въ Новгородѣ право опредѣлилось и кристаллизовалось раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, такъ какъ Новгородская община была сильнѣе и крѣпче другихъ общинъ того времени, а потому ея автономія раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, могла выработать твердыя юридическія нормы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ позднѣйшія дополненія къ Правдѣ Ярослава, присоединенныя къ ней при его дѣтяхъ, показываютъ, что дѣйствіе ея не ограничивалось однимъ только Новгородомъ, а простиралось далеко за его предѣлы. Если на первыхъ порахъ она имѣла мѣстный новгородскій характеръ, то впоследствии она мало по малу стала общимъ кодексомъ всѣхъ древне-русскихъ волостей¹⁾.

Итакъ, всѣ названные писатели даютъ очень сходныя объясненія и почти повторяютъ другъ друга. Первая Правда, говорятъ они, была составлена для Новгорода и первоначально имѣла областной характеръ. Но, заключая въ себѣ общерусское право съ незначительными только мѣстными проявленіями и особенностями, она вскорѣ получила и общую силу, будучи рецепирована прочими областями Россіи. Что касается 2-й Правды, то она уже въ моментъ своего появленія имѣла характеръ общаго права и предназначалась къ дѣйствию на территоріи всей Русской земли.

Другая группа ученыхъ, составляющихъ большинство, смотритъ на краткую Правду, какъ на памятникъ, съ самаго начала и въ обѣихъ частяхъ имѣвшій общерусское значеніе. Причемъ одни изъ нихъ, стоящіе за оффиціальное происхожденіе ея, исходятъ изъ понятія о единой законодательной власти для всей Россіи; другіе же,

¹⁾ *Н. Дювернуа*, Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 61—63, 67.

признающіе этотъ сборникъ работой частнаго лица, исходятъ, по-видимому, изъ предположенія о единствѣ и общности обычнаго права, дѣйствовавшаго тогда въ различныхъ областяхъ.

Къ числу этихъ писателей принадлежитъ прежде всего Карамзинъ. Хотя древніе списки Русской Правды, говоритъ онъ, сохранились только въ Новгородѣ и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя мѣстныя особенности, напр., въ нихъ говорится объ изгояхъ, о жителяхъ новгородскихъ и т. п., но не можетъ быть сомнѣнія, что Ярославъ, будучи великимъ княземъ, далъ этотъ уставъ цѣлому государству. Въ самомъ дѣлѣ, дѣти Ярославовы и Владиміръ Мономахъ съ боярами кіевскими, черниговскими и переяславскими отмѣнили и прибавили нѣкоторыя статьи; слѣдовательно, въ Кіевѣ и другихъ южныхъ городахъ судили также по законамъ Ярослава¹⁾. Это мнѣніе Карамзина находится въ тѣсной связи съ его взглядомъ на Ярослава, какъ на единовластнаго монарха всей Россіи, начиная отъ береговъ Балтійскаго моря до Азіи, Венгріи и Дакии²⁾.

Погодинъ видитъ въ Русской Правдѣ не туземные славянскіе обычаи, а скандинавское право. Этимъ правомъ руководились Варяги у себя на родинѣ, а затѣмъ, послѣ призванія ихъ славянскими племенами, перенесли его въ Россію. Здѣсь оно дѣйствовало сначала въ качествѣ обычнаго права. Но Ярославъ придалъ ему письменную форму подъ именемъ Русской Правды. Запись эта была составлена въ Новгородѣ, такъ какъ въ ней упоминается русинъ и словенинъ; словенами назывались только новгородцы, и это наименование извѣстно было въ одномъ Новгородѣ; въ Кіевѣ были бы названы поляне, въ Черниговѣ сѣверяне и т. д. Кромѣ того, новгородское происхожденіе Русской Правды обнаруживается и въ томъ, что она встрѣчается только въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Написанная въ Новгородѣ, Русская Правда имѣла однако силу не только здѣсь, но и въ другихъ городахъ, вездѣ, гдѣ жили Варяги. Это само собою разумѣется и становится очевиднымъ, если обратить вниманіе на тѣ измѣненія Правды Ярослава, которыя состоялись при Изяславѣ Кіевскомъ, Святославѣ Черниговскомъ и Всеволодѣ Пере-

¹⁾ Карамзинъ, Исторія государства Россійскаго. 1851, т. II, стр. 46—47; примѣчанія къ 2-му тому, стр. 46.

²⁾ Ibid., стр. 27.

яславскомъ. Если названные князья измѣнили законы Ярослава, то ясно, что прежде они исполняли ихъ ¹⁾).

Тобинъ исходитъ изъ того положенія, что до развитія удѣльной системы и установленія татарскаго ига Русское государство было единымъ, и на всемъ пространствѣ его дѣйствовало общее законодательство. Въ соответствіи съ этимъ, древнѣйшая Правда была издана Ярославомъ не для Новгорода, а для всей обширной территоріи, находившейся подъ властью этого князя. Свое мнѣніе онъ аргументируетъ слѣдующими доводами. По точному смыслу лѣтописнаго сказанія, Правда была дана Ярославомъ не Новгородцамъ только, какъ принято толковать текстъ лѣтописи, а всѣмъ воинамъ, участвовавшимъ въ ополченіи. Въ Русской Правдѣ о Новгородѣ совсѣмъ не упоминается; слѣдовательно, она не могла быть льготной грамотой въ пользу Новгородцевъ. Въ числѣ субъектовъ права она называетъ не только Русина и Словенина, не только Варяга и Изгоя, но и Колбяговъ, которые, принадлежа къ тюрко-татарскому племени, жили не въ Новгородской области, а на югѣ Россіи. Древнѣйшая Правда Ярослава имѣла общій характеръ еще и потому, что была дополнена въ законодательной комиссіи, состоявшей изъ трехъ князей—Кіевскаго, Черниговскаго и Переяславскаго, а также изъ другихъ лицъ, которыя могли быть или представителями прочихъ неявившихся на съѣздъ князей или депутатами отдѣльныхъ городовъ и областей. Наконецъ, эти дополненія къ древнѣйшей Правдѣ, выработанныя на упомянутомъ общемъ съѣздѣ, предназначались для всей Русской земли, какъ опредѣленно сказано въ ихъ надписаніи ²⁾).

Баронъ Розенкампфъ, отвергая скандинавское происхожденіе Русской Правды, считаетъ ее «туземнымъ плодомъ древняго времени». Ея содержаніе составляютъ не обычаи той или другой мѣстности, а общіе обычаи народовъ, соединенныхъ въ Русской землѣ. «Русская Правда», говоритъ онъ, «представляетъ намъ собраніе или соединеніе правилъ, какъ слѣдствіе совокупленія разныхъ на-

¹⁾ *М. Погодинъ*, Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. III, стр. 359—360, 366—367.

²⁾ *Tobien*, Die aeltesten Gerichts-Ordnungen Russlands. Dorpat. 1846, стр. 12—13; *Онъ-же*, Die Prawda Russkaja. St. Petersburg. 1844, стр. 3.

родовъ въ одинъ, извѣстный подъ общимъ именемъ Руси». Неправильно ограничивать дѣйствіе ея предѣлами Новгородскаго княжества, а тѣмъ болѣе придавать ей характеръ городского права, дѣйствовавшаго въ одномъ Новгородѣ. Въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, она имѣла общее значеніе¹⁾.

А. Поповъ допускаетъ возможность, что краткая Правда была составлена въ Новгородѣ, и потому Новгородскій лѣтописецъ внесъ ее въ свою лѣтопись. Но въ то же время онъ опредѣленно высказывается за то, что этотъ памятникъ заключаетъ въ себѣ постановленія для всей Русской земли. Содержаніе его составляютъ обычаи, общіе болѣе или менѣе всѣмъ племенамъ, что выражается самимъ названіемъ его—Русская Правда. «Составляя общее законодательство древней Россіи, Русская Правда развивается до тѣхъ поръ, пока сама Россія составляетъ одно цѣлое. Съ раздробленіемъ государства, съ образованіемъ княжествъ должна была прекратиться общая Правда и прекратилась. Съ этого времени каждое княжество начало считать себя самостоятельнымъ цѣлымъ и имѣло свои судебныя обычаи. Монголы способствовали развитію этой мысли. Правда изъ Русской превратилась въ Новгородскую, Псковскую, Московскую, Кіевскую и проч.»²⁾.

Взглядъ на Правду, какъ на памятникъ общерусскаго права, раздѣляютъ и новѣйшіе изслѣдователи—В. И. Сергѣевичъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, М. А. Дьяконовъ, А. Н. Филипповъ, М. Н. Ясинскій и др. Опредѣляя ея источники, они называютъ нормы обычнаго права, а также уставы и судебныя рѣшенія древне-русскихъ князей, но не приурочиваютъ этихъ источниковъ къ той или другой области. Для нихъ какъ будто не существуетъ сомнѣній въ томъ, что обычное право и судебная практика вездѣ были одинаковы, что уставы однихъ мѣстныхъ князей имѣли силу и въ другихъ волостяхъ, въ качествѣ источниковъ права. Поэтому, къ какой бы территоріи не относилось содержаніе Русской Правды, все равно, она была выраженіемъ повсемѣстнаго общерусскаго права. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ изъ названныхъ ученыхъ попадаются мимолетныя за-

¹⁾ Баронъ Розенкамфъ, Обзоръ Кормчей Книги, 2-е изд., стр. 145—149.

²⁾ А. Поповъ, Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 29—30, 31.